

Явились не запылились

Хэ Цзинь, по прозвищу Цюйчжи, был сокурсником прежнего владельца тела в уездном училище.

Стоило Чу Цы взглянуть на него, как в памяти тут же всплыли нужные сведения. Хотя этот человек явно искал ссоры, юноша ответил со всей подобающей учтивостью: — Благодарю брата Хэ за беспокойство. Тело моё уже в полном порядке, никакой немощи более не чувствую. Премного благодарен.

Говоря это, он сохранял на лице безупречную, обезоруживающую улыбку. Спутники Хэ Цзиня в недоумении переглянулись.

Слова этого человека были полны яда — любой на месте Чу Цы почувствовал бы неприязнь. Прежний владелец тела в такой ситуации лишь помрачнел бы и молча прошел мимо, но нынешний отвечал с кроткой улыбкой. Казалось, после перенесенных испытаний он стал куда более опасным противником.

— Кто это здесь беспокоится о твоём здоровье? — Хэ Цзинь презрительно фыркнул. — Я говорю о том, что у тебя еще хватает совести сюда возвращаться. То, что в нашем училище Юаньшань объявился такой мошенник, — истинное несчастье для всех наставников. Будь я на твоём месте, давно бы сбежал в лесную глушь и день за днем прикрывал бы лицо рукавами от стыда.

Сюцай торопливо пролистал воспоминания оригинала, но не нашел и следа вражды между ними. С чего бы этому человеку, словно одержимому, вгрызаться в него мертвой хваткой?

Если не ответить сейчас, это сочтут за признание вины. А если клеймо обманщика прилипнет к нему, отмыться в будущем будет невозможно.

Чу Цы принял серьезный вид: — Брат Хэ, я чту наши узы сокурсников и потому не раз уступал тебе, не желая вступать в пустые споры. Но ты перешел все границы, обвиняя меня в подлоге! Неужто я чем-то столь сильно обидел тебя, что ты никак не можешь успокоиться?

— О твоих махинациях на экзамене знает вся область Ганьчжоу, а ты еще смеешь говорить, что я тебя оклеветал? — не унимался оппонент. — Одно присутствие такого коварного ничтожества передо мной — уже преступление!

— Подлог на экзаменах — дело серьезное. С каких это пор обвиняемые в таком преступлении выходят сухими из воды? — голос Чу Цы зазвучал резко, он сделал шаг вперед. — Коли я и впрямь мошенник, отчего же начальник области отпустил меня? Не хочешь ли ты сказать, что сановник проявил пристрастность и вынес неверное решение, отпустив виновного в родные

края?

Хэ Цзинь невольно дрогнул под напором собеседника и отступил на шаг. Осознав это, он мгновенно залился краской от гнева.

— Ты...

— Раз начальник области меня освободил, значит, я невиновен. Брат Хэ, мы оба — ученики училища Юаньшань, и нам надлежит помогать друг другу и вместе оберегать доброе имя нашей обители знаний! Ты же на каждом углу порочишь меня как обманщика. Не думаешь ли ты, что тем самым пачкаешь репутацию всего училища? С каким лицом после твоих слов другие студенты будут показываться в свете?

Чу Цы сделал еще шаг. Он заметил, что лица книжников, стоявших за спиной зачинщика ссоры, стали неодобрительными, и решил развить успех.

— Сюнь-цзы говорил: «Сплетни затихают, дойдя до мудреца». Я полагал, что такой талантливый муж, как брат Хэ, выше пустых досужих толков. Но, увы, ты оказался из тех, кто слепо вторит толпе. Видно, я в тебе ошибся.

Его противник побледнел, его губы задрожали, но он не смог вымолвить ни слова, застыв на месте.

— Брат Чу, брат Хэ просто оговорился сгоряча. Надеюсь, ты не примешь это близко к сердцу, — подал голос один из приятелей, не выдержав того, как Чу Цы припирает его друга к стене.

— Пустяки. Я человек широкой души и не стану припоминать старое, если брат Хэ пообещает впредь не допускать дерзостей и не возводить на меня напраслину.

Окружающие в изумлении вытаращили глаза. «Широкой души»? Да ты только что едва не довел человека до исступления! Будь ты хоть чуть более злопамятным, Хэ Цзиню пришлось бы на месте кровью харкать от обиды.

Тот оказался в ловушке: он не мог найти аргументов для отпора, но и извиняться не желал. Спутники начали шепотом советовать ему уступить. Но стоило ему решиться и выдавить из себя извинение, как сзади раздался голос:

— Благородный муж обладает великим терпением. Раз брат Хэ уже осознал свою неправоту, к чему брату Чу проявлять такую настойчивость и непременно требовать слов раскаяния?

Из ворот училища вышел молодой книжник — на вид мягкий, статный и изящный. На губах его играла улыбка, теплая, как весенний ветерок, однако при взгляде на главного героя он слегка нахмурился, словно глубоко порицая его поведение.

Ци Сюй, по прозвищу Даюань. Он тоже был их сокурсником. Человек безупречных манер, скромный и открытый, он ладил со всеми в училище, и каждый отзывался о нем лишь с похвалой.

Прежний Чу Цы тоже считал его истинным благородным мужем. Но юноша нынешний, будучи тертым калачом, с первого взгляда распознал в этом человеке фальшь. Перед ним был типичный лицемер в маске «доброго самаритянина».

Сюцай еще раньше заметил край его одеяния за дверью. Он-то думал, что какой-то студент просто не хочет вязываться в ссору, а оказалось, этот «праведник» выжидал момента, чтобы спасти положение.

Пара фраз — и вот уже Чу Цы из жертвы превратился в мелочного притеснителя, который якобы измывается над беднягой Хэ Цзинем.

Тот, собиравшийся было извиниться, приободрился, услышав поддержку, и застыл с каменным лицом, всем видом показывая, что теперь от него и слова не добьешься.

— Брат Ци заблуждается. Махинации на экзамене — дело чести. Коли брат Хэ не признает мою чистоту, с каким лицом мне оставаться в этих стенах? Твои слова значат ли, что ты согласен с его обвинениями?

Ци Сюй был умнее своего приятеля и не собирался попадаться в словесные силки. Он ответил невозмутимо: — Дыма без огня не бывает. Брату Чу следовало бы сперва обратить взор на собственное поведение, дабы заставить замолчать толпу. Раз брат Хэ признал, что ошибся, тебе стоило бы последовать примеру древних мудрецов и платить добром за зло. К чему это упрямство?

Чу Цы едва не рассмеялся от такой наглости.

— Ха-ха! Значит, по-твоему, если меня чернят, то я сам в том и виноват?

— Я вовсе не это имел в виду. Прошу брата Чу не извращать мои добрые намерения, — лицо Ци Сюя приобрело обиженное выражение. Он словно не понимал, как его «искреннюю заботу» можно встретить в штыки.

Тем временем вокруг собралась толпа. Слух о ссоре быстро разнесся по училищу, и любопытные поспешили к воротам.

— Извращаю я твои слова или ты лукавишь — оставим в стороне. Но судя по твоим речам, ты совсем не помнишь наставлений мудрецов. Ты советовал мне платить добром за зло, но разве не сказано в «Лунь Юй», в главе «Сянь Вэнь»: «Чем же тогда платить за добро? За обиду плати справедливостью, а за добро — добром!»? Как видишь, наш великий учитель Кун тоже был

человеком с характером. Скажи-ка, если кто-то раз за разом оскорбляет тебя, разве мужчине пристало лишь бесконечно отступать? А что, если я пушу слух, будто ты, брат Ци, на каждом годовом экзамене пользуешься шпаргалками? Хватит ли у тебя величия души не гневаться на меня?

Собеседник смолк, не зная, что возразить. Чу Цы, не давая ему опомниться, продолжил:

— Тот, кто сам не безупречен, может ли судить других? Раз ты сам не способен на такое милосердие, к чему требовать его от окружающих? Я слышал мудрость: «Коли не ведаешь всей правды, не спеши с суждениями». Прошу тебя, брат Ци, впредь будь осторожен в словах и не доверяй слепо наветам!

От таких слов толпа ахнула. Казалось, сючай Чу решил навсегда закрепить за Ци Даюанем славу человека недалекого и легковверного.

Ци Сюй, однако, был не из простых. Выслушав это, он тут же сложил руки в почтительном поклоне, изображая на лице глубочайший стыд: — Каюсь, я превратно понял брата Чу. Впредь я непременно буду следовать твоему наставлению.

Окружающие, увидев его раскаяние, снова перевели взгляды на Чу Цы.

Тот мягко произнес: — Рад видеть, что брат Ци умеет признавать ошибки. — Затем он повернулся ко второму оппоненту: — Брат Хэ, видишь, даже брат Ци извинился. Не пора ли и тебе взять свои лживые слова назад?

Ци Сюй сохранял на лице кроткую улыбку, но в рукаве его пальцы до боли впились в ладони. Заметив, что Хэ Цзинь вот-вот сдастся, он едва заметно подмигнул одному из студентов в толпе.

Тот едва заметно кивнул и, прежде чем Хэ Цзинь успел открыть рот, подскочил к Чу Цы. Одним резким движением он выбил стопку книг, которую юноша прижимал к груди. Те разлетелись по земле.

— Ах ты ничтожество! Язык у тебя, видать, подвешен хорошо, раз решил самого брата Хэ к извинениям склонять! Не бывает тому!

Толпа замерла в оцепенении от такой неожиданной развязки.

Чу Цы посмотрел на разбросанные записи, и в груди у него вскипела ярость. Землю в переулке каждое утро поливали для чистоты, она еще не просохла, и теперь его труды — плод стольких бессонных ночей — были перепачканы в склизкой грязи.

— Советую тебе проваливать отсюда подобру-поздорову, пока мы еще помним о сокурсниках, а

не то...

— БАМ!

Глухой удар прервал угрозу на полуслове. Книжник охнул, схватившись за горящую от боли челюсть.

Юноша размял кулак, чувствуя, как внутри наконец-то становится легче. Эти люди раз за разом испытывали его терпение, а теперь посмели распустить руки! Коли не проучить такого наглеца, он решит, что в жилах Чу Цы течет вода, а не кровь сурового северянина.

Обычно сюцай выглядел как утонченный ученый, но когда терпению приходил конец, нрав настоящего мужика брал свое.

<http://bllate.org/book/15354/1420382>